

XXV

Где же Центральный комитет?

Комитет?.. Он рассыпался по этой комнате. Один пишет, другой спит; этот разговаривает, сидя на кончике стола, тот, не переставая рассказывать какую-то смешную историю, чинит револьвер, у которого что-то застряло в глотке.

Я не знаю ни одного из них. Мне называют их имена, – я их слышу впервые. Это все делегаты батальонов, популярные только в своих кварталах. Они выдвинулись как ораторы и как решительные люди на собраниях, часто очень бурных, откуда вышла федеральная организация. Я ни разу не присутствовал на этих заседаниях, потому что вынужден был скрываться как до моего осуждения, так и после него.

Сейчас их не больше шести-семи человек в этом огромном зале, где еще не так давно танцевала империя в раззолоченных мундирах и бальных туалетах.

А сегодня под потолком с виньетками из геральдических лилий заседает полдюжины молодцов в грубых башмаках, в кепи с шерстяным галуном, в куртках и солдатских шинелях без эполет и аксельбантов – Правительство.

Они едва замечают, что вошел посторонний. И только потолкавшись минут пять, я решаюсь подойти к тому, кто был занят чисткой револьвера. Он уже, впрочем, не смеется и решительно говорит только что вошедшему человеку:

– Ну нет! Вам все еще хочется морочить Революцию! Скорее я предпочту, чтобы мне пустили пулю в лоб, чем соглашусь подписать... я не подпишу!

Заметив меня, он резко спрашивает:

– Вы тоже делегат от какой-нибудь мэрии?

– Я главный редактор «Крика народа».

–Так чего же вы молчите? Стоите, как последний...

Я действительно явился последним; я не принимал участия в расстрелах вчера утром, не сражался на баррикадах вчера вечером.

Признаюсь ему в своих колебаниях, рассказываю, почему занимал выжидательную позицию.

– Понимаю, – говорит он, – наша неизвестность внушает недоверие... Но за нами полмиллиона неизвестных с оружием в руках, и они выступят по первому нашему зову.

– Вы уверены в этом? – вмешивается оставленный им ради меня собеседник, Бонвале[174], мэр III округа, маленький толстяк; он, по-видимому, очень возбужден и говорит повышенным тоном, как парламентар, предъявляющий свои условия или передающий вызов. – Вы уверены, что население пойдет за вами, как вы это говорите?.. Мы, «Лига прав Парижа», предлагаем вам передать на время (только на время) власть в наши руки, чтобы иметь возможность решить, что делать дальше!..

– Товарищи мои поступят как им будет угодно. А я... я вернусь в свой округ, засяду в вашей лавочке и не подпущу вас туда близко... Вот!..

– Без нас вы – ничто!

– А вы сами-то что такое? Неужели вы думаете, что все ваши муниципальные чинуши и депутатишки хоть что-нибудь да значат теперь? Другой разговор, если б они стали во главе движения! Тогда они даже обокрали бы, подвели бы нас. Мы, социалисты, пропали бы! Если бы дело оказалось в руках «избранных города»... погибла бы Коммуна!

И, засмеявшись, он прибавил:

– Отправляйтесь-ка, мой милый, к вашим хозяевам и передайте им, что мы здесь по воле людей никому не известных и что только митральезами можно нас выбить отсюда.

– Это ваше последнее слово?

– Поговорите с другими, если вам угодно. Но я повторил вам только то, что мы говорили сегодня ночью, – все как один!

В эту минуту вошла кучка невооруженных людей; одни – усталые, встрепанные – зевали; другие, сверкая глазами, размахивали исписанными листами, хлопали по бумаге, сравнивали текст.

Это ядро Комитета, получившее какие-то известия, явилось обсудить ответ депутатам.

– Война или мир? – спросил Бонвале.

– Это зависит от вас. Мир, – если вы не будете упрямы и заносчивы, если представители народа пожелают обратиться к народу. Мы согласны залезть в тиски ваших традиций, только действуйте прямо, не виляйте хвостом, не занимайтесь предательством! Вы же как будто только это и делаете!.. А теперь, любезный, оставьте нас в покое; нам придется порыться в наших карманах. Нужен миллион для наших трехсот тысяч федератов, а у

меня... всего десять франков!

– Ну что ж! Остается только взломать кассы!

– Чтобы нас обвинили в краже, в грабеже!

Испуганные вскрики, колебание, страх бедняков... Их мозолистые руки, привыкшие держать только трудовые деньги в вечер получки, дрожат и не хотят прикоснуться к груде банковых билетов и мешкам золота, спрятанным под замком.

– Но ведь необходимо выдать жалованье национальным гвардейцам, обеспечить им их тридцать су. Иначе что скажут женщины? Если хозяйки обратятся против нас, движение затормозится, и Революция погибла.

– Правильно!

– Но самое страшное то, что могут найтись недисциплинированные, которые толпами бросятся раздобывать хлеб и вино в большем количестве, чем это им требуется. Они взломают двери, чтобы утолить свой голод и жажду, дать выход своему гневу... и из-за каких-нибудь трехсот лоботрясов коммунары прослынут сборищем трехсот тысяч мошенников.

– Но возможно, что в этих несчастных сундуках не найдется чем расплатиться и за два дня!

– Если даже там хватит всего на одни сутки, так и это время надо выиграть. Все падет на наши головы... а они едва держатся у нас на плечах. Я готов начать первым. Что ты на это скажешь, Варлен?[175]

– Идем за клещами!

Пропасть разверзлась, как под ударом заступа могильщика. Взлом замков возлагает на Комитет такую же ответственность, как и расстрел генералов. Все, кто имеет хоть несколько су, «порядочные люди» всех классов и всех стран, бросят в этот очаг «грабителей» проклятия, бомбы и солдат.

Я встретил Ферре[176].

– Знаешь, что они решили?

– Да! И после этого ты еще находишь, что все идет как надо!.. Они посмели составить протокол, которым устранили себя от расправы над Леконтом и Тома. Народу уже выражено недоверие, и это ты печатаешь его в своей газете! Мало того, ты еще вместе с другими

требуешь освобождения Шанзи!..[177] Ты далеко пойдешь! – прибавил он с горечью.

– Ты как будто подозреваешь измену?

– Нет! Но измена наказывается, а слабости прощаются. Лучше преступники, чем нерешительные. Помни, что сад при ратуше так же велик, как и тот, что на улице Розье...[178] пусть они поостерегутся!

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 мая 2026 13:41:52

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 мая 2026 13:42:18